Герт Зиновий Ефимович 19.09.96

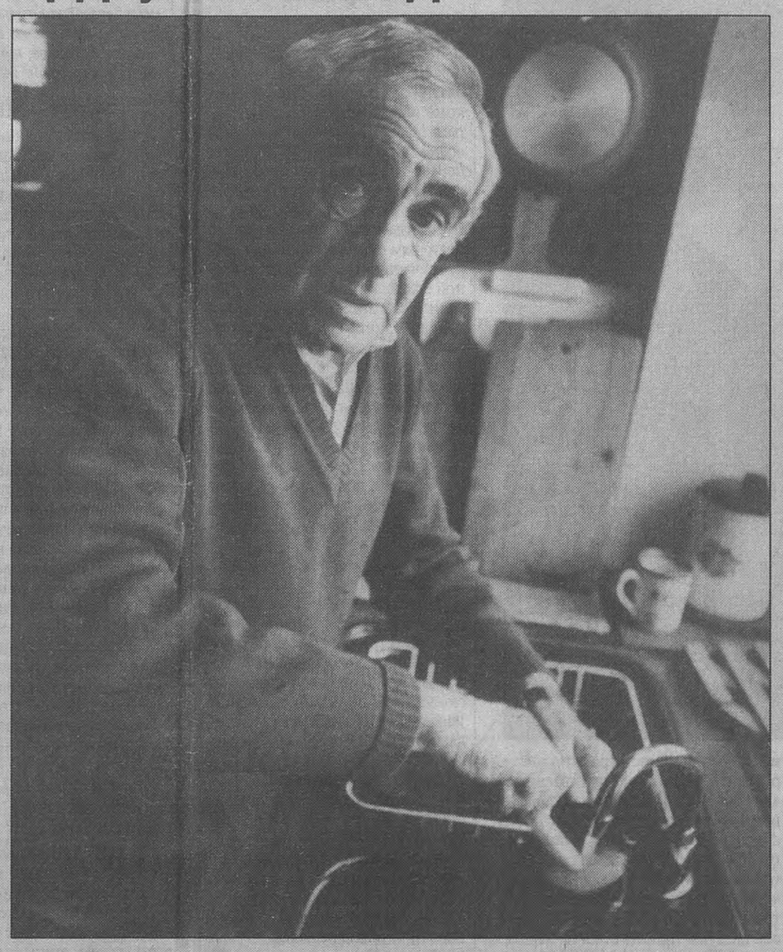
ВАС ЛЮБЛЮ

Общая газ. — 1996. — 19 сент. — с.16.

Супермен

Зиновию Гердту – восемьдесят лет

Президент отметил эту дату, наградив народного артиста орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени. «ОГ» просит юбиляра принять восхищение и благодарность за то, что он согласился встретиться с нашим обозревателем Галиной ЧЕРМЕНСКОЙ накануне своего дня рождения.



О собеседниках

На свете ничего интереснее, чем человек, не существует. Его преломление любого предмета разговора – это так увлекательно, я обожаю слушать истории разных людей.

Телекомпания ТВ-6 дала мне право самому выбирать собеседников. И я провожу некую предварительную работу. Если я лично не знаю человека, только имя, я навожу справки у знакомых. Это должен быть непременно человек, незамеченный в непорядочности. Принцип такой: пьют чай у Гердта люди, в порядочности которых он уверен.

Все началось с «Кинопанорамы»

Я был первым ведущим «Кинопанорамы». Пригласили меня Ксения Маринина и Кацев, был такой замечательный господин. Начали мы делать передачу, и все это было вполне красиво, но потом один человек (не хочу называть имени, ему или его близким будет сейчас неловко) сказал: «Вы, Зиновий Ефимович, употребляете в эфире такие местоимения, как «я», «мне»... Это советского телезрителя не очень волнует, вы не частное лицо здесь, вы представитель советского телевидения. Что значит – «Мне порой кажется...», кому интересно, что ВАМ кажется? Поэтому побольше обобщайте, пожалуйста». А я думал, что кому-то интересно то, что кажется одному человеку.

Стыдно

Что касается «монументальных» дум про телевидение, то мне кажется, что в конечном счете его главная цель в любой стране – это просветительство. Когда я вижу, как человек на экране угадывает слово из восьми букв и восьмую не может отгадать, а если случайно придумает – ему дают миллионы, меня это оскорбляет. Люди живут довольно кисло, считают денежки, а тут букву угадал – и гуляй не хочу. Это нехорошо.

Русский язык

К сожалению, у нас очень часто неграмотно говорят по-русски. Раньше можно было свериться в языке по газете «Правда», где ошибка или опечатка – это было ЧП. Сейчас газет так много, на опечатки – никто не обращает внимания. Но уж телевидение не имеет права на ляпы! Вот дают бегущую строку: победитель конкурса получит приз *в течениИ* трех дней! Повторяют это несколько раз. Человека, допустившего такую оскорбительную ошибку, надо очень строго наказывать, может быть, даже сказать ему: «Вы не можете работать, у вас нет чувства грамотности».

Мне один русский, живущий в Америке, рассказывал об аспирантке-американке, которая думала, что истории всего 250 лет. А до этого что было? До этого динозавры. Но это американцы. Нам-то непозволительно. У нас тысячелетняя культура.

Если спросить меня: «Гердт, а у тебя хобби есть?» – я скажу: «Конечно, у меня есть хобби. Мое хобби – русский язык, родная речь». Моя библиотека в основном состоит из стихов и русских словарей. Словари – мое любимейшее чтение. Это замечательное занятие. Хватило мне на целую жизнь.

О манерах

Раньше у людей перед камерой была скованность от сознания, что их видят триста миллионов зрителей. Это было даже трогательно иногда. А сейчас есть не раскованность, а есть развязность. Нынешние ведущие полагают, что если держать руку в кармане, стоя перед камерой, то это выражает их свободу. Нагляделись на этого Буша, который, выходя из самолета на трап, сразу клал руку в карман и бежал вниз, такой шустренький. Американцы так делают – и мы за ними. Но это же неприлично – класть руку в карман! Кругом дамы!

А как это украшает жизнь, когда ты видишь человека с хорошими манерами – как он разговаривает, как слушает даму. Я несколько раз встречал на приемах Игоря Александровича Моисеева. Я ни на кого не смотрел, только на него, восхищался манерами старого человека. Как он превосходен, прост, естественен, аккуратен и в выражении глаз, и в выражениях речевых. И потому необыкновенно элегантен.

Сын моего друга, учившийся в Щукинском училище, рассказывал мне про даму, которая обучала студентов этим самым манерам. Она была из «осколков» аристократии и «грассировала»: «Не вздумайте, будто курицу можно есть руками. Ножом и вилочкой извольте». А пролетарский мальчик спросил: «Ну, а как же хрящики, самое вкусненькое?» Она сказала: «Перетерживете». Очаровательно, правда?

Вот молодой человек, ведущий, очень преуспевший на телевидении, модно одетый, видимо, состоятельный. У него какой-то не то акцент, не то диалект. Он разговаривает так: «Я ей сказал: «Не надо на меня сыпать, о'кей?» Вот такая МАНЕРКА. Такие люди работают на телевидении. Но если ты ведущий или диктор, то вообще не имеешь права на речевые особенности, должна быть хорошая манера говорить, ничего больше. Мной сразу была замечена Светлана Сорокина. Она умна, спокойна, она сохраняет достоинство, она безусловно ДАМА, ее нельзя, проходя мимо, потрепать по щечке, – нельзя! Это видно по манере держать голову, улыбаться – не слишком часто, а там, где можно, по манере речи, по самоиронии (это самое главное и самое трудное).

Две истории на одну тему

Мне однажды Образцов рассказал такой случай. Его сын Алеша окончил архитектурный институт и поступил на работу в архитектурное управление. Был объявлен конкурс на лучший проект Дома мебели. И Алешин проект выиграл. Победителя позвал к себе Промыслов, глава Моссовета, немыслимо большой начальник. И вот он, глядя на планшет, спрашивает: «Где тут у тебя вход-то?» На что этот молодой, лет 25–26, человек отвечает: «А ты что, чертежи читать не умеешь?» Промыслов тут же: «Нет-нет, я вижу, вы меня не так поняли, извините». Понимаете, как это потрясающе?

Теперь всякие заседания кабинета министров проходят перед камерами. Премьер-министр говорит министру: «А ты сам где водку-то покупаешь?» А тот отвечает: «В магазине». Я так засмущался, так мне было нехорошо, стыдно это слышать! Причем тот, кого спрашивали, был вполне ученый человек, умный, он мне нравится. Потом мы с ним встретились на какой-то презентации, и я спросил: «Почему вы ответили тогда «В магазине» вместо того, чтобы сказать «Там же, где и ты»? – «Не нашелся! Ай-яй-яй, как же это я не нашелся?»

О «Русском проекте» и чувстве жалости

Я никогда не думал о величине роли. О масштабе – думал, а какое там количество слов, никогда не имело значения. Я был умнее такого подхода.

Мне очень легко работалось и с Денисом Евстигнеевым, и с Костей Эрнстом. Потому что, во-первых, они умные, во-вторых, одаренные, в-третьих, очень давно мне знакомые. Я тепло отношусь к «Русскому проекту». Что-то в нем легко, что-то весело, что-то очень социально, очень глубоко. И очень жалко многих героев, меня иногда бывает жалко. Тут я совершенно солидарен с Нонной Викторовной Мордюковой – это нужно, чтобы человек испытывал к кому-то жалость. Смотрю программы, кино, спектакли – если никого не жалею, значит, напрасно потерял время. Какой идиот сказал: «Жалость унижает человека»? Как может унизить величайшее человеческое чувство? Дикость. От жалости – и сострадание, и желание поделиться, желание помочь, выручить. АНОНИМНО помочь – вот ведь что главное. Не на публику, не для демонстрации.

Теперь, на склоне лет, я иногда подсчитываю под конец дня: а что ты доброго сегодня сделал? А вот что, вот что сделал и – не объявился. Хотя меня узнали, конечно. Вот это более или менее благое дело.

Алла БОССАРТ
Виктор ШЕНДЕРОВИЧ

Действие первое

Муж у докторши работал в «шарашке», за похлебку конструировал истребители, опережая конструкторскую мысль знаменитой «военной машины» немцев лет на десять. Совершенно необязательно было об этом распространяться, да еще в госпитале, со случайным лейтенантиком, каких через феноменальные руки этой докторши прошел не один десяток, и конца им не видно... Но этот, маленький и тощий, с необыкновенно богатым голосом и траурными глазами, чем-то пронял докторшину привычную осторожность. Она выделила это лицо из череды лиц и отметила его, что редко бывало с ней, профессионально защищенной от чужой боли, потому что, если связывать в своем воображении и памяти откромсанные обрубки с этими лейтенантиками – тогда конец.

Она делала бедняге операцию за операцией на тяжелом, почти безнадежно раскуроченном колене. Когда везли на очередную, главврач заметил: «Что мучить паренька, я бы ампутировал!»

– А я буду резать вдоль! – закрыла тему докторша.

С упорством резала она «вдоль» – одиннадцать раз и так сжилась с его ранами, с этим куском плоти, за который боролась, спасая лейтенантику судьбу, – что стал он ей все равно что родным, товарищем и по ее несчастью, определившему ее одиночество в этих бессонных и бредовых стенах. И в одну из ночей, когда боль не дает уснуть и лютует тоска, докторша призналась раненому про опасную свою беду. Несмотря на молодость, был он человеком пронзительного ума и, несмотря на скромное местечковое происхождение, обладал безошибочным художественным вкусом. Возможно, по этой причине никогда не кричал: «За Сталина!», а возможно, и потому, что его саперное ремесло не предусматривало атак, а предусматривало, наоборот, сосредоточенную вдумчивую работу, нюх и величайшую осторожность. Во всяком случае, правильное понятие о повседневном изъятии советских граждан из обихода свободной жизни он имел. А также понимал цену докторшиной откровенности – и потом не забывал о ней никогда.

Своего хирурга бывший сапер числит вторым человеком, спасшим ему больше, чем ногу, – профессию, в его случае тождественную жизни.

Все три имени в этой истории замечательны.

Имя сапера – Зиновия Гердта.

Имя врача – Людмилы Винцентини.

Имя зека-мужа – Сергея Павловича Королева.

Первый человек, кому Зиновий Ефимович обязан жизнью, – санитарка, притащившая его зимой 43-го года с поля боя в госпиталь. Есть и третий.

Ехали с братом с кладбища – от матери. День стоял гнусный, да и год не лучше – пятидесятый. И настроение под стать. Зашли в пивную. Случайный грязный шалман с залитыми пивом столами и злобными, бедными, послевоенными людьми. Что-то произошло в очереди, кому-то показалось, что двое носатых не по праву теснятся у источника русского забвения... И в крупное ухо сапера вползло, как белена, как сколопендра: «Канешно, **эти** у нас завсегда первые!» Брат Борис побелел и затрясся. А Зяму как бы помимо воли повернуло, и кулак, сам всосавший всю силу небольшого организма, влетел в географический центр большой красной дурацкой рожи.

Продавщица взвизгнула и заголосила из окошка: «Ты что ж, гад, делаешь, он же тебя даже жидом не назвал!» Очередь, на миг закаменев, быстро пришла в себя и, повинуясь рефлексу, начала сползаться в полукольцо, и хромая нога Гердта оказалась точкой пересечения его радиусов. Глядя в близкие лица земляков и современников, Зиновий Ефимович, подобно одному из его будущих героев, осознал, что бить будут, скорее всего, именно ногами – по традиции любой окраины. И вот народец расступился, и вперед вылез огромный сизорылый мужик, и весь Зиновий Гердт был в один обхват его ладоней. Он навис над Зямой, сгреб его за лацканы – и тот вспомнил маму и понял, что через несколько минут они, скорей всего, встретятся... Мужик приподнял его к бармалейской своей пасти и просипел, дыша сложным перегаром:

– И делай так кажный раз, сынок, ежели кто скажет тебе чего про твою нацию.

И, трижды поцеловав, бережно поставил на место.

Снова предстояла земная жизнь – в длительном развитии труда и любви.

Антракт

Снимали фильм о Гердте. Режиссер с автором отсматривают материал: финал спектакля, актеры с куклами выходят из-за ширмы, камера скользит по лицам. И вдруг одно – как колодец в пустыне. Такая в нем жизнь и такая сила... Столько трагизма и вместе юмора – в глазах под нависшими бровями, в резких складках, пролегающих от вислого носа к углам крупного рта с тонкой, почти отсутствующей верхней губой. Да еще этот монументальный лоб философа и толкователя. Какое захватывающее зрелище! На этом ЗРЕЛИЩЕ ЛИЦА камера будто сама замедлила бег, споткнулась и замерла. Ну и потом неохотно двинулась дальше, все набирая ход...

Действие второе

Зиновий Ефимович Гердт учился в ФЗУ – по слесарной, а то ли по электрической части. Мастеровым прошлым гордится. И до сих пор прекрасными своими руками строит вокруг себя свой мир, от рамки какой-нибудь до дома.

Больше, надо заметить, он нигде формально не учился. Хотя, ясное дело, вся жизнь, и театр Образцова, и каждая роль в кино, и вообще кино, и вообще театр, и великие, и Чаплин... И это так же банально, как и верно. Вообще все банальное, то есть бесспорное и потому как бы утратившее объем и упругость смысла, – в соприкосновении с Гердтом обретает индивидуальную выразительность. Например, у него на даче в Пахре, в этой длинной теплой комнате с большим количеством теплых и мягких вещей, висит над диваном сильно увеличенная известная фотография Чарли Чаплина – на ступеньках в обнимку с собакой. Именно этот портрет уместен и закономерен именно в этом доме. Где похожей собаке, погибшей под колесами много лет назад, хранили верность и не заводили другую, пока этой зимой не прибился к внуку на улице ризеншнауцер с ужасной раной в голове. Его вылечили и выходили, и только тогда он стал **собакой Гердта**, а это больше, чем просто собака. Он потом потерялся, но вскоре нашелся и больше уже не покидал этого дома. Как, в некотором смысле, не покидает его никто, посидев раз здесь – на этом диване за этим вот, главным образом, столом. Надо признать: все мы, прибитые сюда разными течениями, – в некотором смысле собаки Гердта, отчасти вылеченные им.

Сам же Чаплин на этой стенке – не знак художественного абсолюта, а коллега, один из авторитетов. Любимый мастер.

Близость Гердта с Чаплиным для нас очевидна. Сам он считает танец с пирожками в «Золотой лихорадке» гениальной пластической формулой, и это, конечно, взгляд кукольника – каковым был и Чаплин, в одном лице кукла и кукольник, создающий ее и прилегающий мир. Подобно Чаплину, Феллини, Параджанову и своему другу Ревазу Габриадзе, Зиновий Гердт создал не «кинематограф» (или «театр») – а вот именно мир, где действуют свои законы этики и красоты, и эти законы не изобретены, а выстраданы. В этом отличие профессионала – от демиурга.

После госпиталя Гердт, по-птичьи двигаясь на костылях по Триумфальной площади, где не было еще памятника Маяковскому и вообще все было совсем не так, поравнялся с вывеской: шарик-рожица, надетая на палец. «Театр кукол под управлением С. Образцова». Решение экзистенциальной проблемы замаячило. Без театра жить немыслимо. Пусть кукольный. Лучше, чем ничего.

Образцов согласился послушать. Постепенно собралась труппа.

...На одном из празднований Рождества на сцену перед уже порядком разгоряченным залом, перед хмельными звездами, поддатыми спонсорами и пятком близких людей вышел щемящей стариковской походкой Гердт и почти без предисловия стал читать «Рождественскую звезду» Пастернака – в шуме, дыму и разноцветных сполохах. Дружелюбное удивление поначалу сменила просто тишина, а потом случилось какое-то смещение, что ли, сдвиг пространства. Пляшущий жующий зал развалился и уплыл, дым рассеялся, и западал снег. Некоторые глаза глядели из темноты, они блестели, а звезды дробились и расплывались в них, как снежинки на лысине и прижатой к пазухе руке маленького старого человека... Все злей и свирепей дул ветер из степи... Все яблоки, все золотые шары. Ах, да, здесь уже нужны кавычки. А хотя необязательно. Длинное, как поэма, стихотворение рождалось здесь, на этой нелепой сцене, – которой, впрочем, тоже уже не существовало. Ничего не было, кроме голоса, способного передать все: и ветер, и блеск мишуры, и рассвет.

Молодой Гердт, наверное, меньше владел секретами волхвования, но стихов и тогда знал тучу. Не понять, кстати, откуда. После ФЗУ-то да госпиталей...

Короче, читал он тогда Образцову часа полтора. Сергей Владимирович просил еще, а потом стали просить и артисты... В ту пору ставили «Маугли», и демобилизованный по ранению лейтенант саперной роты был принят в стаю.

«Зиновий Ефимович, у вас на спектакле зрители сидят **как живые!**» – похвалила его как-то билетерша. Конферансье из «Необыкновенного концерта» стал знаменит в мире и в истории театра, как – ну, не знаю, как Гамлет Сары Бернар. Гердт сам писал текст роли, импровизируя на каждом спектакле. Перед зарубежными гастролями дня за три его с переводчиком десантировали в страну, и он переводил роль на все живые языки с учетом местной злобы дня... У него и в мыслях не было считаться феерической славой, которая доставалась Сергею Образцову. Гердту хватало зрительской любви.

Да ладно врать. Не хватало.

Антракт

Твардовский, сосед Зиновия Ефимовича по даче, пригласил его раз по грибы. Не будем вынимать у вас душу описаниями, но, видимо, что-то такое в природе разливалось, что мешало Гердту смотреть только под ноги и заставило вдруг обратиться к изумленному Твардовскому с такими словами:

– Как обещало, не обманывая, проникло солнце утром рано косою полосой шафрановою от занавеси до дивана.

Твардовский внимательно до конца выслушал и повторил:

– «И образ мира, в слове явленный, и творчество, и чудотворство»... Это чье?

– Пастернак.

– Вы что же, много стихов знаете?

– Много, Александр Трифонович.

– И из меня? – ревниво спросил Твардовский.

– И из вас. Конечно, – успокоил Гердт.

Сели на поваленный ствол. Помолчали. Твардовский попросил:

– Прочтите еще раз **то** стихотворение.

Действие третье

Конечно, Гердту было мало ширмы. «Творчество и чудотворство» распирало его, лезло из ушей. В нем клокотала такая энергия искусства, что его, артиста-невидимку, единственного, может быть, в истории кукольного театра, считая от святочных вертепов, узнали и полюбили раньше, чем увидели его лицо. Полюбили уже не персонаж, а именно артиста Гердта. Конечно, он не мог миновать эстраду, демократичный синтетический жанр, словно созданный для него. Зиновий Ефимович сам писал замечательные пародии – и вся Москва хохотала, узнавая любимых Утесова, Бернеса, Клавдию Шульженко...

Выпивали, дружили, обожали, – но никто, ни один режиссер не решался среагировать на мощное драматическое излучение, испускаемое «любимцем публики».

Главным достоянием и основным рабочим инструментом Гердта долгие годы оставался его уникальный голос. На стадии дубляжа и озвучания он был нарасхват. Мультфильмы, хроника, научно-популярное кино, зарубежные картины – это была законная делянка Гердта, и обрабатывал он ее в поте лица своего. Это уважение к профессии, к самым вроде бы мелким и презренным дичкам из ее сада, к тому, что всею арт-фауной признано «халтурой», – Зиновий Ефимович Гердт сохранил до сих пор. Наверное, как все артисты старой школы. Радио, закадровый текст (который часто пишет сам), эпизод, концертный номер, теперь вот еще – реклама – всегда работа. Хотя, конечно, и «халтура» – в смысле заработок, потому что Гердт смолоду кормил семью. Точнее, семьи. Пока не остановился на фундаментальнейшем союзе со своей последней (есть надежда) женой, совершенно потрясающей и достойной его во всех смыслах Татьяной Александровной Правдиной, арабисткой, внучкой шустовских коньяков, мамой трехлетней тогда Кати, закоренелой антисоветчицей и хлебосолкой, у которой на Татьянин день без усилия собирается вся Москва и пол-Пахры. Ах, эта «Таня» сиреневолосая, с ее баритоном, с вечной сигареткой и легким, легчайшим шлейфом матерка – от нее трудно оторваться, и надо бы писать отдельно... Но, как говорится, чу, мы слышим дьявольски знакомый дьявольский голос из «Чертовой мельницы»: «Лапидарней!» И не смеем отвлекаться. Заметим только с жестокой лапидарностью, что Таня сорок лет крепко держала Зяму за руку и держит сегодня, когда болезни разнуздались, когда тело страдает, а душа не в силах смеяться, но Таня держит за руку, как та докторша, и ночь легчает.

Если бы мы писали школьное сочинение на тему: «За что я люблю Гердта», мы бы написали примерно так:

«Зиновий Гердт – он очень интеллигентный человек. В нем совсем нет гордыни, и поэтому он никому ни в чем не отказывает. В нем есть большая гордость, и поэтому он никого ни о чем не просит. Зиновий Ефимович будет слушать вас с живым интересом, даже если вы позволите себе пороть ерунду. Он никогда не лезет в политику и принимает у себя в доме только тех, кого уважает. А уважает он самых разных людей, совсем не знаменитых, и даже детей. Я люблю Гердта за то, что он никогда не жалуется и смеется над своей болезнью. И даже когда он совершенно серьезен, со дна у него непременно всплывет шутка. Он – щеголь в своих клетчатых пиджаках и шейных фулярах. Хромой красавец, поэт и ловелас: как Байрон. Он обожает веселое застолье и знает в нем толк – и ненавидит модную тусовку. И еще он с удовольствием поет вместе со своим сердечным другом Петей Тодоровским разухабистые песни под гитару, по части которой Петр Ефимыч – суший виртуоз. Вот за это – и за многое еще другое я люблю Зиновия Гердта.

Собака Гердта».

Доступный всем, открытый для любого предложения, проживал в г. Москве огромный артист – протяни руку, сними трубку и предложи: Лира, Ричарда III (кто, как не он?), ну, не знаю, Тартюфа или Акакия Акакиевича – но вместо того...

Страшно популярному на студии с дерзким названием «научпоп», позвонил ему некий режиссер и с ходу принялся нахваливать свою картину, которая «прямо просится под ваше лихое перо». Он ручается, что Зиновия Ефимовича работа увлечет, да озвучить такую тему – считайте, подарок судьбы, «и лучше вас этого никто не сделает, это ваше, просто ваше по-настоящему, соглашайтесь, не пожалеете!»

– Да что ж за тема-то такая? – прорвался Гердт. – О чем потрясающий душу фильм?

– О гайках с левой резьбой! – горделиво ответил «научпоп».

Первым снял Гердта Тодоровский – в «Фокуснике». И все вдруг увидели, какой он красивый. Какая мужская и даже героическая у него внешность...

Умный, хотя и модный Кабаков, назвал Гердта «суперменом».

А Лира он все-таки сыграл. Наверное, где-нибудь написано, как решал Козинцев проблему главного героя. Но то, что он, обратившись к Гердту, пригласил его не играть, а озвучивать Лира, дублировать другого превосходного актера, тончайшего, досконального Ярве, плохо владеющего русским языком, – немало говорит «пытливому уму» о путях традиции и силе инерции. Понятно, если бы Зиновия Гердта пропустили, прозевали, не вспомнили о нем. Но он **работал** на картине – и не был «узнан» (великим, заметим, режиссером)! Это ведь уже из области рока. И неужели сердце Григория Михайловича не дрогнуло, когда он услышал тот «дубляж», голос гибкий и умный, голос, которому доступно любое чувство, любая мысль, любое слово?

Сирано де Бержерак... Полюбила невидимку – героя и гения – за один только тембр, за волшебную сладость речи. Непостижимо.

Гердта боготворят. Поклонники, как глупая Роксана. Мало кто знает, какой титан пишет им автографы. Поэтому Гердт не любит своего Паниковского. Роль, конечно, дивная, но она стала знаком Гердта – упрощенным и плоским, как любой символ.

Антракт

Татьяна Александровна пилотировала свой неплохой автомобильчик, направляясь на дачу. У поворота на Пахру стояла разопревшая тетка с сумками и отчаянно голосовала. Татьяна тормознула, и тетка, не веря в удачу, позапихивала свой багаж, пока хозяйка не передумала, и, отдышавшись, принялась благодарить.

– Вот человеческая дамочка! Вот же ж никто не взял, стою тут пнем, почитай, битый час! И ведь такие язвы – никто сроду не подберет! Думала, обратно с поклажей пехом топать до дому. Так и пресся всякий день, ты вторая за всю жисть и взяла.

– А первый? – поддержала Татьяна беседу.

– Ой, да ты не поверишь. Первый знаешь, кто был? Артист Герт, сам собою – вот ей-бо, не вру! Ай не веришь?

– Почему, очень даже верю. Это мой муж.

Действие четвертое

Валерий Фокин был одно время связан с Зиновием Ефимовичем тесно, по-семейному. Его и без того двухметровый сын все еще растет сейчас в доме Гердта. Проницательный Фокин сумел оценить возможности, которые не так уж и «таятся» в этом сокровище, что похаживает рядом по дорожке садика туда-сюда стариковской птичьей походкой. Так состоялся первый (и предпоследний) выход Гердта на драматическую сцену – на сцену театра «Современник» в спектакле по пьесе эстонца Ватемаа «Монумент». Гердт играл там старого скульптора, учителя двух молодых антагонистов. В борьбе моралей этот старик является арбитром, носителем нравственного критерия.

Те, кто хорошо знает театр, были обескуражены: на сцене творилось странное. Актер как бы ничего не делал. Обычно хромал, обычно говорил, обычно смотрел. Гердту нечего было играть в этом персонаже. Он **был им** – эталоном порядочного человека.

Кстати, замечал кто-нибудь, что у Гердта не бывает отрицательных ролей? Нет, увы, ни Тартюфа, ни Ричарда...

Когда приключился этот позорный абсурд с «Куклами», автор пришел к Гердту поплакаться в жилетку – ну, просто посетовать на жизнь с идиотами. Гердт всплеснул руками:

– Ну что ты, Витя! Они не посмеют применить к вам репрессии! Ну просто не решатся на это. Да нет, конечно, не посмеют!

Автор поинтересовался, что же это, к примеру, помешает им «посметь».

– Как что? – изумился Гердт. – Им же... да им же руки никто не подаст!

Автор внимательно посмотрел на Зиновия Ефимовича. Нет, тот не шутил. Он всерьез (как говорят – «по жизни») полагал, что соображения «подачи руки» могут помешать «им» делать подлости – всласть и от пуза.

Когда помощник режиссера на телевидении размагнитила маркированную пленку (ну просто потребовалась чистая кассета) с трехчасовой записью Гердта для передачи – три часа работы старого артиста, который в координатах и масштабе этого помрежа размером примерно со сталинскую высотку на площади Восстания, – Татьяна Александровна, любитель сильных определений, назвала этот факт «Чернобылем». А Гердт развел руками: «Что ж делать? Все, слава Богу, живы-здоровы. Перепишем».

Дуэль, пощечина, «честь»... Не правда ли, откуда-то из юрского периода, из обихода мастодонтов? Эти большие звери ужас до чего уязвимы: они умирают, если им не подать руки. Умирают физически – валятся на бок и каменеют. Как же противостоять им цирку лилипутов, новой цивилизации, которая приезжает на «мерсах» по двадцать шесть приматов в машине – и размагничивает гигантов вместе с их цивилизацией?

А никак. Жить себе и все. И тоже, кстати, покупать новые машины. Что и сделал дальновидный Зиновий Ефимович Гердт. Потому что если не он – то кто же будет подбирать Теток, Голосующих На Обочинах?

Поклон

В прошлом году ехали мы к Гердту на день рождения. Дочь одного из нас посылала подарок – картину собственного изготовления. Изображен на ней был какой-то дикий вертеп, салун с бабой в розовых юбках, плящущей на столе. Почему-то (хотя не совсем без оснований) девочка прикинула, что такой сюжет удалому Гердту будет в самый раз. Полдня она изобретала дарственную надпись. «Уважаемому Зиновию Ефимовичу с уважением»... «Дорогому Гердту в день рождения»... «Дорогому Зиновию Гердту в день рождения с любовью»...

– Мама, – спросил, наконец, этот Босх, – он не обидится, если я напишу «Зяме»?

Мама предположила, что не обидится, чего уж там.

Теперь формулировка была безупречна:

«ДОРОГОМУ ЗЯМЕ
ОТ ЛЮБЯЩЕЙ ВЕРЫ».

Мы присоединяемся к ней, потому что мы и правда очень, очень Вас любим.

Поклон Вам, Дорогому Зяме, от любящих Аллы, Вити и всего Вашего электората.

Главный редактор номера
Виталий ЯРОШЕВСКИЙ

Ответственные секретари
Юрий ПАТРИН,
Евгений СЕМЕНОВ

Логотип:
Семен ЛЕВИН,
Борис МИРОШИН

Дизайн-макет:
Аркадий ТРОЯНКЕР

Технический редактор
Дмитрий ТУМАНОВ

Зав. корректурой
Светлана КАРТАШЕВА

Газета зарегистрирована в Мининформпечати РФ 20 августа 1991 г. Регистрационный номер 1054.
© Общая газета. Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна.
Редакция оставляет за собой право не вступать в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Правовое обслуживание газеты осуществляет Адвокатское Бюро «Барщевский и партнеры».

ОБЩАЯ ГАЗЕТА

Адрес редакции: 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22
Справки по телефону: 915-22-88; факс 915-51-71
Адрес для писем: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1

Наш подписной индекс: 32138

Отдел распространения
Людмила ЛИР
Тел.: 915-53-89

Отдел рекламы
Тел.: 915-70-40, 915-26-19
Факс: 915-26-06

Производственно-издательский отдел
Тел.: 915-75-81

Представитель «ОГ» в Израиле
Захар ГЕЛЬМАН

Цена свободная

Тираж «ОГ» в Израиле 15000 экз.

Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты». Технический директор Дмитрий ЯМПОЛЬСКИЙ.
Вёрстка выполнена на оборудовании Apple Computer.
Отпечатано в типографии издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.
Номер подписан в печать 18. 9. 96 г. Заказ 14324. Тираж 100000 экз.

256